

— Если пророчество сбудется, то все будут счастливы. Если же нет, то вину не возложат ни на вас, ни на первого принца — в худшем случае тетушка По получит пару ударов палками. Но я ручаюсь вам, что это предсказание непременно сбудется!

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

На этот раз си-фэй искренне поверила ему. Она смотрела на Лу Цзыяо чуть ли не с восхищением.

Этот сорванец оказался невероятно умен. Скажи он сейчас, что он маленький небожитель, она бы и этому поверила.

— Ну как, ваша светлость? — спросил Лу Цзыяо, пересохшим от волнения языком. — Это лучший выход из сложившейся ситуации. Если с тетушкой По что-то случится, я, Лу Цзыяо, первым пойду в могилу вместе с ней!

Си-фэй согласилась.

*

Словно тяжелый камень свалился с души. Лу Цзыяо отправился ненадолго отдохнуть в боковой павильон. Вскоре си-фэй велела подавать обед, служанка пригласила его войти, а седьмого принца тоже принесли на руках и усадили рядом с си-фэй.

За трапезой принца следили особые дворцовые служанки, отвечавшие за рацион: блюда должны были быть сбалансированными и полезными для здоровья, а вставать из-за стола следовало слегка голодным.

Поэтому каждый обед во дворце превращался в настоящее сражение: стоило Его Высочеству потянуться к какому-нибудь блюду, как служанки тут же бросались его отговаривать. Обстановка накалялась до предела!

— Хочу, хочу! — седьмой принц тыкал пухлым пальчиком в запеченную баранью голяшку в центре стола.

— Ваше Высочество, вы ведь уже съели очень, очень много жареного мяса в полдень, — строго возразила служанка.

— Совсем, совсем немного! — отнекивался седьмой принц.

Лу Цзыяо не удержался и прыснул со смеху.

Си-фэй тоже заразилась этим настроением. Усмехнувшись, она положила баранью голяшку в пиалу сына и пошутила:

— Ешь, мой великий человек.

Лу Цзыяо потерял дар речи.

Си-фэй, очевидно, все еще находила смешным заявление, будто седьмой принц в будущем станет великим человеком.

Это было совсем не по-человечески по отношению к будущему Лун Аотяню! Разве может мать не верить в собственного сына?

Высочество, конечно, был немного упитанным, но задатки великого человека у него все-таки имелись!

Например, уже в три года он мог спрессовать коробочку из-под молока «Ванцзай» и едал за двоих — за пятого принца и шестого принца вместе взятых!

Увидев, что сын схватил баранью кость и весь испачкался в жиру, си-фэй протянула руку, чтобы подвернуть ему рукава и не дать перепачкать одежду.

Однако у седьмого принца мгновенно сработал инстинкт защиты еды. Едва заметив приближающуюся руку, он тут же извернулся всем своим пухлым тельцем, повернулся к си-фэй спиной и крепко прижал к себе баранью голяшку!

На этот раз си-фэй по-настоящему разозлилась. Она опустила руку и леденящим, убийственным взглядом уставилась сыну в затылок.

Когда седьмой принц сообразил, что протянутая к нему рука принадлежала собственной матери, было уже поздно. Обернувшись, Его Высочество поспешно протянул замасленную пухлую ручонку и преподнес си-фэй обглоданную кость, на которой оставался ровно один крошечный кусочек мяса.

Для детеныша такой весовой категории готовность добровольно отдать кость уже была проявлением невероятной воли к жизни — в конце концов, он хотя бы оставил мамочке кусочек мяса!

Си-фэй обиженно поджала губы: уворот сына ранил ее в самое сердце.

Едва существующее шестое чувство седьмого принца, должно быть, подсказало ему об опасности.

Увидев, что си-фэй не намерена забирать кость, Его Высочество изо всех сил потянулся и осторожно опустил измазанную слюнями баранью голяшку прямо в суп из черепахи, стоявший перед матерью...

Подняв взгляд, Его Высочество посмотрел на си-фэй сквозь длинные ресницы светлыми глазами. На его пухлом, похожем на булочку личике отразилась кроткая, благородная нежность:

— Ешь, я наелся.

И таким образом Лу Цзыяо посчастливилось наглядно засвидетельствовать сцену домашнего насилия в исполнении си-фэй...

Мгновение спустя правое ухо седьмого принца покраснело от ушипа си-фэй и казалось заметно крупнее левого.

Но седьмой принц не смел ни злиться, ни возражать. Пухлой ручкой он почесал болящее и зудящее правое ухо и со слабым видом указал служанке на только что поданные пирожные с османтусом и медом.

Си-фэй стояла рядом, в отчаянии прикрыв глаза. Она окончательно утратила всякую веру в предсказание Лу Цзыяо о том, что ее сын — «будущий великий человек».

— Я слышала от Императрицы, как первый принц в трехлетнем возрасте увидел, что его венценосная мать подавилась рыбной косточкой. С тех пор каждый раз, когда Императрица ела рыбу, первый принц сначала перекладывал кусок в свою пиалу, выбирал оттуда все косточки до единой и лишь потом подавал матери.

Си-фэй говорила с явной завистью. Поделившись этой историей, которой Императрица когда-то хвасталась, проявляя гордость за сыновнюю почтительность первого принца, она косо взглянула на жевавшего османтусовое пирожное пухлого малыша. Вся ее фигура выражала: «А теперь посмотри на себя!».

Лу Цзыяо опустил голову, еле сдерживая смех.

Оказывается, даже будущему Лун Аотяню в детстве приходилось терпеть жестокие сравнения с «сыном маминой подруги»!

Что касается истории о том, как первый принц выбирал косточки из рыбы для Императрицы, она упоминалась даже в оригинальном романе.

Когда седьмой принц, Лу Цянь, вззошел на престол, он возвел в статус вдовствующих императриц двух женщин: помимо си-фэй, еще и Императрицу.

Всем было известно, что отношения между си-фэй и Императрицей всегда были отвратительными. В прошлом, когда сын Императрицы был наследным принцем, она немало пакостила си-фэй. Кто бы мог подумать, что колесо фортуны повернется!

Читая роман, Лу Цзыяо думал, будто Лу Цянь почитает Императрицу лишь для того, чтобы у си-фэй была возможность всячески унижать ее. Но оказавшись внутри этих событий, он взглянул на все совершенно иначе.

Князь Нин, должно быть, просто хотел проявить сыновнюю почтительность к родной матери погибшего низложенного наследного принца вместо своего почившего брата.

Лишь глубоко погрузившись в происходящее, он смог понять многие противоречивые сюжетные повороты оригинала.

Однажды между си-фэй и Императрицей вспыхнула ссора. Императрица посмеялась над тем, как си-фэй когда-то танцевала перед иноземными принцами. Разгневанная си-фэй прибежала жаловаться своему сыну-Императору.

Императрица понимала, что зашла слишком далеко, и, зная о жестокости и беспощадности князя Нина, решила, что ее смертный час близок.

Вскоре до нее дошел слух, что Император направляется в ее дворец. Императрица стиснула зубы и решила перед смертью проявить твердость духа. Она даже сама приготовила белую шелковую ленту для удушения, намереваясь перед кончиной высказать Императору все в лицо и отвезти душу.

Эта сцена в оригинале выглядела крайне противоречивой. Когда Лу Цзыяо читал ее, ему казалось, что автор абсолютно исказил характеры персонажей.

Хотя Лу Цянь и почитал Императрицу как вдовствующую императрицу, в обычные дни он вовсе не замечал эту старую госпожу, и ни о каком настоящем уважении речи не шло.

Князь Нин, четко деля людей на «своих» и «посторонних», отличался невероятной цепкостью в защите близких. Случись подобное, в соответствии с прежним характером князя Нина, от Императрицы даже целого труп не осталось бы.

Однако в оригинале ставший Императором Лу Цянь на полном серьезе пришел просить Императрицу извиниться перед си-фэй.

Именно «просить», а не приказывать — его тон был невероятно низок и покорности полон. Он даже велел подать императорские кушанья и предложил Императрице побеседовать за едой.

Приготовившаяся к смерти Императрица устраивала истерику за истерикой и даже схватила белую шелковую ленту, намереваясь закинуть ее на потолочную балку.

Лу Цянь шагнул вперед, чтобы помешать ей.

Императрица не унималась и случайно оцарапала красивое лицо Лу Цяня.

На этот раз Императрица оторопела от страха и так и замерла с шелковой лентой в руках.

Покорность Лу Цяня как рукой сняло. Он лишь холодно бросил:

— Ешь.

Императрица отбросила белую ленту и послушно села за стол есть.

Опасаясь, что ее, подобно брату тун-фэй, Лу Цянь превратит в обрубок без рук и ног, Императрица от страха жадно заглатывала еду. Она ела и плакала, пока наконец безудержно не вылила с языка: «Если бы Цзиньань был жив...»

Под Цзиньанем подразумевался погибший низложенный наследный принц.

Эти слова откровенно выражали недовольство нынешним Императором. Едва произнеся их, Императрица в ужасе подумала, что теперь ей отрежут язык, и горько пожалела о содеянном.

Обернувшись, она увидела, как Лу Цянь равнодушно приближается к ней.

Его красивое лицо, унаследовавшее черты роковой фаворитки, дышало жуткой прохладой. Одернув драконью мантию, он уселся рядом с ней...

Императрица от страха едва не испустила дух прямо на месте.

Однако Лу Цянь не стал обнажать меч и отрезать ей язык. Он лишь молча положил себе в пиалу кусок рыбьего брюшка, собственными руками аккуратно вынул оттуда все косточки одну за другой, переложил рыбу ей в пиалу, поднялся и покинул дворец.

Когда Лу Цзяо читал книгу, эта сцена казалась ему совершенно противоречивой, а характеры героев — развалившимися в пух и прах.

Теперь же, вспоминая тот эпизод и украдкой поглядывая на уминающего сладкое пирожное пухлого малыша, Лу Цзяо почувствовал щемящую, теплую грусть.

Казалось, в самом конце Лу Цянь так и не превратился в абсолютно холодное оружие.

Он все еще помнил старшего брата, любившего тискать его пухлые щеки, и все еще хотел

вместо старшего брата проявлять сыновнюю почтительность к Императрице.

В душе Лу Цзыяо бушевали смешанные чувства, а тем временем пухлый малыш уже доел пирожное, сам спрыгнул с табуреточки и с нетерпением обошел восьмиместный стол. Схватив Лу Цзыяо за полу одежды, он потребовал:

— Давай, Лу Цзыяо, расскажи сказку, дам два молока.

Лу Цзыяо: «...»

Эй, мы же о таком вообще не договаривались!

Не нужно давать самому себе вымышленные обещания!

Увидев, что маленький принц прямо при всех требует у Лу Цзыяо молоко, несколько личных служанок переглянулись и посмотрели на си-фэй.

Ранее они уже докладывали си-фэй об этом: «Неизвестно, каким молоком молодой господин из семьи Сюэ поит Его Высочество, но Его Высочество то и дело о нем вспоминает. Просим Вашу светлость тщательно расследовать это».

Однако си-фэй безоговорочно доверяла Лу Цзыяо и полагала, что это лишь сладкое козье молоко для развлечения детей — в ее родных краях его пьют многие. Поэтому она не стала углубляться в расспросы.

Теперь же, увидав, как сын бежит за ним и выпрашивает молоко, си-фэй с любопытством поинтересовалась:

— Лу Цзыяо, каким именно молоком ты поишь Седьмого? Он только о нем и думает каждый день. Я бы тоже хотела держать запасы во дворце, чтобы он не капризничал.

Лу Цзыяо ответил:

— О, ранее я пару раз брал с собой в школу коровье молоко с сахаром. Изначально готовил для себя, но не ожидал, что Его Высочеству оно так понравится, вот и угостил его.

<http://bllate.org/book/18379/1766880>